

18+

ЕВГЕНИЙ ДОНТФА

Никтопия. Трое из рода «ХЭ»



Евгений Донтфа

Никтопия. Трое из рода «хэ»

«Издательские решения»

Донтфа Е.

Никтопия. Трое из рода «хэ» / Е. Донтфа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908427-9

На холодной пустынной планете, в сумерках 89-летней зимы, трое землян несут свою утомительную трудовую вахту. Они погружены в рутину своих рабочих обязанностей и практически не замечают ничего, что существует за границей их жилого купола. Но огромный чужой мир однажды вторгается в их размеренное существование и заставляет сделать непростой выбор. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-908427-9

© Донтфа Е.
© Издательские решения

Никтопия. Трое из рода «хэ»

Евгений Донтфа

© Евгений Донтфа, 2018

ISBN 978-5-4490-8427-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Стэн МакГрегор медленно плыл на магнеборде по огромному высокому коридору космической станции «Мир». Слева за прозрачными стенами разворачивалась потрясающая панорама звездного скопления. Громадная вытягивающаяся и переплетающаяся сама с собой светло-коричневая формация, пылающая изнутри оранжевым огнем и подернутая экзистенциальной фиолетово-голубоватой дымкой, кое-где озаряемой раскаленными шарами молочносиних молодых звезд завораживала наблюдателя своей грандиозностью и каким-то запредельным накалом, и величию космических энергий. Но Стэн не обращал на это никакого внимания. Он устал после долгого перелета с Никтопии и просто направлялся в бар, где намеревался закусить и пропустить стаканчик другой. И раз уж дела его привели на эту станцию, он решил наведаться в знаменитое заведение «Гагарин», где по слухам подавали некий, как в шутку его называли в народе, «мирской пунш» – напиток бодрящий сердце и прочищающий мозги. Если, конечно, добавляли некоторые остряки, у вас было и первое, и второе.

Магнеборд свернул из внешнего панорамного коридора станции в какую-то внутреннюю галерею, проплыл еще немного, замер возле ступенек металлической лестницы и мягко опустился на пол. Стэн сошел с магнеборда и поднялся по ступенькам к совершенно непримечательной, без всяких вывесок и указателей железной двери, на которой был постер с приятным широко улыбающимся молодым человеком в какой-то неизвестной МакГрегору форме. Дверь с заклепками и механической ручкой выглядела совершенно архаично в хайтековском облике станции. Стэн нажал на ручку, потянул тяжелую дверь на себя и шагнул во тьму. Несколько метров ему пришлось пробираться практически на ощупь и он уже было подумал что попал куда-то не по адресу. Но он сделал еще шаг и перед ним бесшумно раздвинулись створки, открывая внутреннее помещение знаменитого заведения. От абсолютной тьмы предбанника к приглушенному комфортному освещению залы его глаза адаптировались быстро и без неприятных ощущений. Внутри всё было также архаично как и входная дверь. МакГрегор шагнул вперед и вокруг него вспыхнула зеленым светом рамка, напоминающая рамки арматуродетектора. Но никакого оружия при нём не было, если не считать универсальной полиморфной отвертки, которую, конечно можно было превратить в шило или некое подобие стилета, но неужели здесь такое маниакальное отношение к опасным предметам. Стэн заметил как сидевшие за столиками поглядели в его сторону с любопытством. Некоторые улыбались. Но он, сделав вид что ничего не заметил, направился к освещенной навесными лампами стойке бара, ожидая что его вот-вот окриknет какая-то охрана. Но никто не окрикнул. Стэн забрался на высокий стул рядом с протирающим стаканы барменом. Бармен, худой рослый молодой человек с открытым симпатичным лицом и большими темными глазами, дружелюбно улыбнулся ему.

– Доброго дня, мистер МакГрегор, – сказал он неожиданного глубоким сильным голосом, который по мнению Стэна больше подходил крупным дородным мужчинам, а не таким тощим субъектам. Бармен был одет в белоснежную идеально отутюженную рубашку с короткими рукавами и черные, словно поглощающие всякий свет брюки. На груди у него светился прямо-

угольный электронный бейджик, на котором значилось имя «Гюнтер». Но пока Стэн смотрел на бейдж, это имя сменилось на «Ральф». Затем на «Джойс». Затем на «Юрий». А потом снова появился Гюнтер. И дальше по кругу.

– Добрый день, – произнес Стэн и слегка растерянно протянул, глядя на бейдж: – э-э...

– Надо выбирать, мистер МакГрегор, – весело сказал бармен, поставив идеально прозрачный стакан куда-то за стойку и взяв следующий. – Всегда надо выбирать.

– Ясно, – улыбнулся Стэн и, чуть подумав, добавил: – Ральф.

В следующий момент на бейдже застыло имя «Ральф» и больше уже не менялось. То что бармен знал как зовут самого Стэна, последнего ничуть не удивляло. Он понимал, что в таком интеллектуальном и компьютеризированном комплексе как станция «Мир», человек, после того как он сошел с корабля и предъявил свои документы, идентифицирован практически всегда и везде. И всё же это было приятно, словно он старый завсегдатай «Гагарина», где его отлично знают и помнят.

Стэн поглядел в залу и спросил:

– Ну так что, Ральф, я могу выбрать любой столик?

Бармен отставил стакан.

– Не сегодня, мистер МакГрегор, – ответил Ральф. – У «Гагарина» свои традиции. Вход загорелся зеленым светом и значит вы новенький. А потому вы должны кое-что сделать, если хотите остаться здесь.

Стэн чуть напрягся. Вообще он намеревался тихо спокойно посидеть в уютном баре, может быть поболтать с симпатичной девицей или каким-нибудь бывалым парнем из Дальнего Космоса. А вот проходить какие-то, скорей всего нелепые, обряды посвящения ему определенно не хотелось. «Я уже слишком стар для всего этого дерьма», вспомнил он любимую фразу Василия Гладкова.

– Оплатить вступительный взнос? – Вяло поинтересовался Стэн, подготавливая себя к тому что возможно придется уйти и поискать забегаловку попроще, без традиций.

– Ну что вы, мистер МакГрегор, – улыбнулся Ральф и пробежался словно пианист длинными нервными пальцами по отполированной поверхности стойки. – Вам нужно поделиться с другими гостями какой-нибудь историей.

– Историей?!

– Вот именно, дружище! – Сказал кто-то у него за спиной и несильно хлопнул по плечу.

Стэн повернулся и встретился с глубоко посаженными смешливыми зелеными глазами странного человека. Его лицо словно было разделено на двое. Правая сторона выглядела намного более старой чем левая. На левой гладкая кожа с юношеским пушком, а правая какая-то высохшая, в морщинах, пятнах и щетине.

– Я Егор Трубников, – представился мужчина. – А-а, на это не обращай внимание, – махнул он рукой на свое лицо. – Это меня в хронотон затянуло. Кхм... наполовину. Ну так вот, как сказал Юрка, с тебя история, дружище. Сумеешь?

Стэн некоторое время безмолвно смотрел на этого непонятного человека, напоминавшего некую театральную химеру. Затем он обратил внимание на большой овальный стол, расположенный почти в центре залы. Возле стола уже находилось несколько мужчин и женщин и выжидательно глядели в его сторону. МакГрегор криво усмехнулся.

– Может и сумею, – проговорил он.

– Ну отлично, – воскликнул Егор и снова хлопнул Стэна. На этот раз по спине и гораздо сильнее.левой рукой. Видимо она у него тоже моложе и сильнее чем правая, подумалось МакГрегору.

Через несколько минут он уже находился во главе овального стола, за которым весело рассаживались будущие слушатели. Они представлялись новичку, жали ему руку, он представлялся в ответ. Один из официантов расставлял тарелки и бутылки. МакГрегор взирал на все

эти угощения с сомнением. Рыжеволосая женщина по имени Флориан, словно разгадав его взгляд, сказала ему:

– Не волнуйся, Стэн. С тебя только история. За стол платим мы.

– Да я в общем... – начал МакГрегор, не зная что же собственно он хочет сказать.

– Не важно, – перебил его парень по имени Тибер Зонг. Невысокий, вроде бы молодой, но его невыразительное безвозрастное лицо, в обрамлении длинных прямых идеальных словно струящийся шелк седых волос, размывало и затуманивало казалось саму идею какого-либо возраста. – «В общем» нам не надо, ты конкретики, конкретики давай.

– Но только если врешь, всё равно пусть будет логично, это главное, – предупредил лысый мужчина по имени Гаскар Нафта. В ноздри у него был вставлен какой-то шарообразное устройство. – Я с Бурмы, там в воздухе много алойгвы, атмосфера землян нам уже не подходит, – ответил он на взгляд МакГрегора в сторону его носа.

– Ага, не подходит, – фыркнула светловолосая девушка по имени Серафима Ллойд. На ней был черный облегающий диспли – комбинезон, покрытый пиксельной матрицей и способный выводить любые изображения. Сейчас он показывал кости человеческого скелета. – Не слушай его, Стэн. Он перманентный наркоман, они на Бурме все такие. Этот шарик впрыскивает ему галюин прямо в мозг.

– Ох, Сима, ну что вы такое несете, – вздохнул Гаскар Нафта. – Вам откуда это знать? Да и вообще, вы же саму идею разума отрицаете.

– Я отрицаю не идею разума...

– Стоп-стоп-стоп, – остановил её Мартин Ларсен, крупный мужчина с богатой и несколько неряшливой растительностью на лице. – Друзья, если вы начнете ваши споры, мы рискуем так и не добреемся до истории Стэна.

– Всё-таки конкретика и факты это главное, – снова заметил Тибер Зонг. – Вот хочешь, Стэн, я скажу сколько тебе лет, с точностью до дня, а также откуда ты родом. И всё потому что я антрополог. Прирожденный, заметьте. Итак, тебе тридцать девять лет пять месяцев и двадцать шесть дней. Альфа-дней, месяцев и лет, естественно. А родился ты-ы... Макора?

– Да, – улыбнулся Стэн. – И с возрастом ты угадал, хотя конечно сколько дней не знаю.

– Не угадал, Стэн. Вычислил основываясь на наблюдениях. А теперь думаю, тебе пора приступить.

МакГрегор выдохнул воздух и огляделся по сторонам.

– Не робей, – улыбнулся Тибер. – Это как в сексе, в начале не по себе, а потом за уши не оттянешь.

– Тебе-то откуда знать как там в сексе, – фыркнула Серафима Ллойд. – Когда он у тебя был последний раз?

Мистер Зонг поглядел на часы на левой руке и торжественно произнес:

– Три часа сорок шесть минут назад.

– Это в смысле ты проснулся три часа сорок шесть минут назад? – Ехидно поинтересовалась Серафима.

– Может хватит? – Попросила Флорианн.

– Да, Фло права, – веско произнес Егор Трубников. – Пусть говорит Стэн.

МакГрегор растерянно улыбнулся, погладил затылок и сказал:

– Честно говоря, рассказчик я тот еще. Да и жизнь у меня простая, ничего особенного в ней не происходит. – Он задумчиво поглядел в стол, как будто пытаясь найти там подсказку. – Разве что могу вот о Джоне и <ладошах> рассказать.

– Пусть будет о Джоне и ладошах, – ободряюще улыбнувшись, произнес Гаскар. И добавил, словно нечто сакральное: – По-о-ехали!

Стэн поглядел на него и, чуть помедлив, начал рассказ. Сначала неуверенно, сбиваясь, откашливаясь. Но спустя какое-то время, видя что его внимательно слушают и чувствуя благо-

желательную дружескую атмосферу над этим овальным столом, он заговорил спокойно и свободно.

– Никтопия. Есть такая планета в системе двойной звезды в созвездье Орла. По-своему довольно своеобразный мир. И главная своеобразность заключается в том что из-за довольно замудренных орбит и самой Никтопии и обеих звезд её системы получается так, что на всей планете 89 альфа-лет длится сплошная холодная ночь, зима, а затем столько же лет теплый светлый день, так сказать лето. Кроме этого на планете сосуществуют два морфологически абсолютно различных разумных вида. Одних ученые из Первой партии нарекли люксорами, других никтопами. Люксоры по внешности это такие полутораметровые шарообразные мешковатые мягкотелые особи с четырьмя тонкими длинными конечностями и тремя довольно плотными гладкими кожаными оболочками, которые лежат как бы немного внахлест друг на друга. Никтопы же покрыты густой черной шерстью и отдаленно смахивают на здоровенных котов, только без хвостов и с уродливыми мордами. Оба народа находятся еще в дотехнической эпохе. И на беду аборигенов случилось так, что разведчики из Первой партии обнаружили на планете солидные залежи доменитовой руды. Я думаю вы в курсе, что доменит, тот самый «божественный металл», из которого делают трубы Орликса для гипердвигателей, настроечные контуры квантовых модуляторов, термоядерные печи и много чего еще столь же ультрасложного, является одним из самых дорогих ресурсов в Галактике. Так что наверно можете себе представить какая развернулась возня вокруг Никтопии. За тендер на её освоение боролись практически все корпоративные монстры Содружества. Выиграл «Синан». Началось бурение шахты, строительство транспортного терминала, установка купола и прочее. Ну и, как водится, постепенное мягкое выпроваживание всей этой ученой братии, которая так мешает бизнесу. При этом надо отметить что запущено было только две шахты и весь этот никтопианский проект проходил как бы в этапе тестирования. Сиятельные лица из «Синана» не хотели спешить и вкладываться в планету по полной. Слишком много оставалось неясного и непредсказуемого. В частности во что превратится планета Летом, а также, как обычно, никто точно не знает чего можно ожидать от местных разумных аборигенов. В общем пока решили отнестись к проекту очень экономно, с минимально требуемыми затратами и посмотреть во что это всё выльется. Так что в конце концов на планете осталось только трое землян. Я, на должности координационного аналитика, то есть как бы в ответе за всё, мой старший помощник Василий Иванович Гладков, восьмидесятилетний шахтер, мечтавший о сексапильном геноиде, и мой второй помощник Джон Тимирязев, совсем молодой парень только что окончивший какой-то геологический университет.

1.

Джон Тимирязев стоял возле панорамной смотровой панели в рубке двеллдоума и грустно глядел наружу. Там не было ничего. Ничего. Бесконечная ночь и заснеженная каменистая пустыня, освещаемая вращающимся на вершине двеллдоума прожектором. Широкий луч неторопливо скользил по голубоватому снегу и грязно-серому грунту. Если прожектор выключить, станет совсем темно. После того как глаза привыкнут к темноте, ты сможешь различить метров на десять вокруг бледную словно бы зыбкую поверхность в ирреальном свечении далекой, размером с кулак, тусклой синеватой звезды. И тебе будет тоскливо и тяжело на душе. По крайней мере так это чувствовалось Джону. Он находился на Никтопии уже полтора альфа-месяца и всё никак не мог привыкнуть к этой темной холодной планете. Планете, на которой зимняя ночь длится 89 альфа-лет. И хотя затем, как утверждают ученые, будет такое же немисливо долгое лето, сейчас, когда до этого радостного момента еще 23 альфа-года, этот факт не меняет ничего.

Джон отвернулся от экрана и перешел на противоположную сторону идеально круглой рубки. Теперь за панорамным окном, идущему сплошной полосой по всей окружности

рубки можно было видеть деревню люксов, освещенную яркими молочно-белыми фонарями. До деревни было около километра. Жилой купол землян инженеры корпорации «Синан» установили на некоторой возвышенности, полого спускающейся в долину, где и находилась деревня. Потому поселение аборигенов Никтопии лежало перед глазами молодого человека как на ладони. Ряды аккуратных ровных одноэтажных каменных домиков с покатыми крышами, выхваченные из безраздельной синей тьмы вокруг, создавали впечатление какой-то забытой яркой и веселой детской игрушки, такой нелепой и неуместной в этом тусклом холодном мире.

Джон выключил смотровую панель и та постепенно потеряла свою прозрачность, слившись со стеной двеллдоума. Молодой человек еще некоторое время постоял в темной, освещаемой лишь разноцветными огоньками панелей и компьютеров рубке, пытаясь придумать что он будет делать дальше. Не то чтобы у него не было работы. У вотчеров она никогда не заканчивалась. В двеллдоум поступали бесконечные объёмы, (никому не нужной, но это следовало произносить только шёпотом), информации от разбросанных по округе зондов, камер, датчиков, спектроскопов, сейсмографов, роботов-разведчиков и прочего научного и не очень оборудования. И Джону, второму помощнику координационного аналитика, полагалось сидеть за мониторами и анализировать, сортировать, структурировать все эти данные. Ему следовало выделять всё самое главное и важное, то что должно попасть в первичные отчеты, то что может иметь какое-то значение для менеджеров «Синана». Второстепенную же информацию можно было отложить на потом, в некий долгий ящик, в который вряд ли кто-то когда-то сунет свой нос. Разве что только случится что-то чрезвычайное и скорей всего трагичное. Кроме наблюдения за климатом и прочими природными свойствами Никтопии, Джону и его товарищам вменялось в обязанность изучать разумных аборигенов этой планеты и по возможности налаживать с ними контакт, исподволь внушая им мысль, что корпорация «Синан» и сотрудничество с ней для них просто дар божий и вообще лучшее что случилось в их никчемной аборигенской жизни это встреча с представителями «Синана».

Джон спустился на первый этаж двеллдоума, прошёл через кают-компанию и коридор к большому помещению, которое они между собой именовали «офисом». Здесь имелось три рабочих места с кучей мониторов, как виртуальных, висевших в воздухе, так и вполне материальных. Стэн МакГрегор отсутствовал, дядя Вася сидел за своим столом.

Войдя в офис, Джон покосился в сторону главного монитора старшего помощника координационного аналитика. Молодому человеку хватило одного быстрого взгляда чтобы понять что дядя Вася занят своим излюбленным делом: выбором внешности своего вожака геноида и его многочисленных опций. На мониторе красовалась абсолютно обнаженная молодая женщина, раскинувшая руки и ноги на подобии Витрувианского человека, тот который вписан в круг, и Василий Иванович радостно и сосредоточенно подгонял перемещением ползунков данную заготовку к совершенному телу своей мечты.

Дяде Васе было под восемьдесят альфа-лет, он имел мощное пузатое тело, крупную, лысую как бильярдный шар голову, наполовину беззубый рот и неряшливую неровную бороду какого-то странного грязно-зеленого оттенка. Такой цвет она, по его словам, приобрела на радиоактивных рудниках Каталона, где он работал шахтером еще в молодости. Впрочем, дядя Вася по-прежнему считал себя молодым, если только речь шла не о работе, утверждал что самые нужные механизмы его организма работают также исправно как и раньше и плотоядно посмеивался. Однако стоило попросить его о внеочередном дежурстве, как он тут же, по его словам, начинал разваливаться на части. Спину ломит, в груди колет, в коленке стреляет, в ушах шумит, голова раскалывается, перед глазами пятна. «Василий Иванович, да у вас не тело, а военный полигон, колют, ломают, стреляют», добродушно посмеиваясь, говорил Стэн МакГрегор, а если настроение у него было не очень, то он обещал с первым же транспортом

отправить дядю Васю домой, где он сможет продолжить свой период полураспада в спокойной обстановке.

Джон попытался воодушевить себя на работу.

– Сигнал от Мапика не появился? – Спросил он.

Мапиком они называли многофункциональный аналитический передвижной комплекс, который недавно был им прислан из штаб-квартиры «Синана» для тестирования и который упорно барахлил и не желал работать как предполагалось его инженерами. А недавно он просто отключился и Стэн отправился разбираться с ним на месте.

– Сигнал не шевелюра, как пропал, так и найдется. Это я тебе как заслуженный лысый землянин говорю, – весело ответил дядя Вася. «Земляне» давным-давно, буквально с самых первых межзвездных перелетов, стало общенарицательным именем для всех людей, принадлежавших виду *homo sapiens*, даже если они уже родились на невообразимо далеких от Земли планетах. Но дядя Вася особенно гордился тем фактом что он был родом именно с Первой Земли или как её иногда называли Альфа-планеты. То есть он был землянином не просто по наследию крови, но и по самому месту своего рождения.

– Стэна уже пятый час нету, – пробормотал Джон, усаживаясь за свой рабочий стол.

– А он глайдер не брал, – жизнерадостно сообщил Василий Иванович, – он ведь у нас спортсмен. Он на лыжах отправился.

Джон тихо вздохнул. Тридцативосьмилетний руководитель их маленького отряда, координационный аналитик Стэн МакГрегор был человеком спокойным, решительным, прямолинейным, но при этом, по мнению второго помощника, страдал несколько излишней активностью и неугомностью характера. Хотя вернее сказать страдал не он, а Джон. МакГрегор хотел держать себя в тонусе, ощущать бодрость и упругость мышц. Потому он каждый день посещал их маленький спортзал, а также при всяком удобном случае перемещался по Никтопии на лыжах или велокате. При этом он хотел чтобы и его команда всегда была в тонусе и также ощущала бодрость и упругость своих мышц. Это выливалось в то что Стэн всякими правдами и неправдами старался загнать в спортзал Джона и дядю Васю, а также поставить их на лыжи или усадить в седло велоката. Василий Иванович открещивался от всего этого довольно легко, начиная в своем привычном стиле разваливаться на части. Кроме своей ноющей спины и стреляющей коленки, припоминал ещё и свою многотрудную службу на каталонских шахтах, где он «натренировался на всю оставшуюся жизнь». Если же МакГрегор настаивал, то тогда дядя Вася гневно тряс зеленой бородой и восклицал: «Чандрасекара Пекулярная! Да ты что, Стэн, обалдел что ли, молодого нашёл?! Ну какие мне турники?! Я ветеран Второй астероидной войны, я древний как Стрелец-А, мне до пенсии 20 лет осталось, у меня уж поди правнуки где-нибудь есть. А ты хочешь чтоб я у тебя на шведской стенке скакал?! Да ты посмотри какое у меня шаровое скопление образовалось», дядя Вася выпячивал вперёд своё мощное пузо, «и мне что с ним на твои тренажеры лезть! У вас там треснет что-нибудь». Но Стэн не унился и подначивал: «Но, дядя Вася, девушки ведь любить не будут!» «Да на кой хрен мне твои девушки сдались», фыркнул Василий Иванович, «когда я уже в Хьюман Роботикс зарегистрировался. У меня там уже 723 бонуса за участие в опросах. Мне с вами еще один альфа-годик погорбатиться в этой сумрачной жопе мира и я куплю себе их топовую модель. А уж она так меня любить будет, что пися посинеет. Понял?!» И Стэн, смеясь, отставал от дяди Васи и обращал взор на своего второго помощника.

И Джону приходилось отдуваться за обоих, бегать по электронной дорожке, колотить грушу и висеть на перекладине. Впрочем, Джон быстро научился прикрываться загруженностью по работе и ускользать от спортивных занятий. Однако если ему приходилось идти к очередному зонду вместе со Стэном, то тут уж выхода не было, вместо теплого уютного салона глайдера, приходилось вставать на мультиморфные лыжи и, задыхаясь и ругаясь про себя,

скользить по бесконечным заснеженным каменистым пустыням Никтопии вслед за начальником.

Джон вывел на экран графики атмосферного давления в районе двеллдоума за последние 3 альфа-месяцев и глубокомысленно уставился в них. Линии были на удивление ровные. За то время что он провел на Никтопии он еще не видел настоящей местной непогоды, но уже знал что иногда давление здесь совершает чудовищные скачки и начинаются самые настоящие бури, во время которых ураганные ветры срывают со своих мест здоровенные валуны. По словам дяди Васи наступает «полный аттатуй, панихида с танцами» и нужно, по его же словам, «тушить свет, зарываться в землю и молиться чтобы пронесло». Теоретически в двеллдоуме им мало что угрожало, главную опасность бури представляли для разбросанного по округе измерительного оборудования. Рассказывая о последнем ненастье, дядя Вася ворчал, что им с МакГрегором потом почти месяц пришлось «во славу Синана морозить жопы и звенеть яйцами», восстанавливая выведенные из строя зонды, датчики и исследовательские комплексы, потому что «зажравшиеся сволочные синанцы отказались присылать профессиональных инженеров-ремонтников в эту проклятую дыру», переложив все эти проблемы на координационного аналитика и его старшего помощника. Стэну и Василию Ивановичу предоставили спецканал гиперсвязи, по которому эти самые инженеры удаленно руководили ремонтом. При воспоминании об этом дядя Вася исходил желчью, живописуя молодому человеку как они на жутком ветру при минус 40 корячились со Стэном в термокостюмах и толстых перчатках, разгоняя вечную ночь Никтопии налобными фонарями, тогда как «разжиревшие», «гладкорылые», (дядя Вася презирал тщательно выбритых мужчин), «хитромудрые, косоглазые инженеришки», сидя в теплом, светлом, уютном офисе, отдавали им команды ртом, набитым «пончиками и плюшками». «Ты только представь», возмущался дядя Вася, «у нас там уже мозги кристаллизовались, все конечности посинели, а это мудацье еще и шуточки отпущало».

И потому среди прочего Джону поручили, следить за давлением, и попытаться вычислить закономерности происхождения бурь. Но это было ужасно скучно. Никаких закономерностей на первый взгляд не прослеживалось, а на второй его уже не хватало. Молодой человек еще некоторое время озабоченно пялился на экран, потом осторожно глянул на старшего помощника и убедившись что тот полностью захвачен созиданием идеального женского тела и в его сторону не смотрит, вывел в небольшое окно на экране изображение с камеры на «маяке». «Маяком» они называли каменное трехэтажное цилиндрическое строение люксоров, расположенное совсем недалеко от двеллдоума. В этом строении всегда дежурил один из аборигенов.

Как-то так получилось что все вопросы контактов с автохтонами Никтопии сразу же легли на плечи Джона, как только он появился здесь. И Стэн МакГрегор и Василий Иванович Гладков проворно и незаметно самоустранились от этих обязанностей, которые, между прочим, были прописаны в трудовом договоре между ними и корпорацией «Синан». Правда довольно туманно. Координационному аналитику и его команде надлежало прилагать все усилия для развития дружеских и взаимовыгодных отношений с коренным населением осваиваемой планеты. По мере возможности. Стэн всё время был чем-то занят и как бы такие возможности у него возникали не часто. Дядя Вася же испытывал искреннее презрение и к этим «кожаным мешкам», люксорам, и к этим «котярам», никтопам. И тех, и других он считал омерзительными существами, которых «непонятно как земля носит». Свои ксенофобские настроения дядя Вася высказывал открыто и очень эмоционально. Но, впрочем, делал это очень редко, ибо не находил в своих товарищах поддержки. МакГрегор не одобрял подобного отношения, поскольку это напрямую противоречило рабочим инструкциям и по его мнению вредило делу. Сам он к аборигенам относился абсолютно спокойно, но не очень-то верил в возможность тесного взаимовыгодного равноправного сотрудничества между ними и землянами, поскольку как не крути, сколько не прикрывайся фиговыми листками «мирного осваивания», последние

были тем, кого юристы, специализирующиеся на планетарном праве, называли «интродерами», то есть по сути дела захватчиками. А раз так, то и все эти хлопоты по установлению близких контактов по большому счету потеря времени. Джон в свою очередь не разделял ксенофобию дяди Васи просто потому что не видел в «не-землянах» ничего омерзительного и отталкивающего. Напротив, ему было крайне любопытно как живут иные разумные существа, как устроены их тела, как функционирует их общество, какими социальными и нравственными законами они руководствуются и прочее. И любознательный молодой человек с удовольствием занимался тем, с чем так не хотелось возиться его старшим товарищам. По сути это было единственное что хоть как-то привлекало его на этой тоскливой темной холодной планете, на которой ему, согласно контракту, предстояло провести еще 14 альфа-месяцев.

2.

На опушке мертвого окаменевшего леса, среди причудливым скальных обломков, на холодном стыллом ветру, посреди космической ночи, Стэн и Василий Иванович, в широких лучах света налобных фонарей, монтировали на глайдере мобильную грузовую платформу, на которую им предстояло поместить вышедшего из строя робота-разведчика, в обиходе называемого «пионером».

– Второй час херачим тут как прихваченные, – пробурчал дядя Вася, колдуя над «чемо-даном» магнитного соар-погрузчика, которому предстояло, воспарив над землей, подцепить увесистого робота и поместить его на платформу. – И на кой нам сдался этот ржавый «пионер», списали бы его к едрене фени и нехай бы он тут лежал как памятник инженерной мысли рода человеческого.

Стэн МакГрегор, боровшийся с разболтавшимся креплением платформы, недовольно поглядел на своего старшего помощника.

– Что ты там всё бурчишь, дядя Вася? – Спросил он, пока еще с усмешкой, но тоже чувствуя как в нем подымается раздражение, ибо работа, которая по идее должна была отнять максимум минут тридцать, длилась уже часа полтора. – Заклинание что ли читаешь?

– Ага, хочу заклятие ума на тебя наложить, – тут же сердито отозвался Василий Иванович. – Чтоб у тебя просветление в башке наступило. Ты что не мог списать это ведро в невозстановимые потери? Ему же, ядрёный синтез, лет в три раза больше чем мне. Он уже ни лёжа, ни стоя не может. И тогда на кой, спрашивается, хер этот металлолом на своем горбу переть через пол-Никтопии. Подхимичил бы отчет за пять минут и дело с концом, вместо того чтобы коченеть тут второй час. Оба ведь уже синие, жопа вон кусками льда отваливается.

МакГрегор в общем-то привык, что такую вещь как субординация старший помощник воспринимает довольно легкомысленно и обычно не заострял на этом внимание и не спешил ставить на место зарвавшегося ветерана каталонских рудников. Но сейчас, воюя с не желавшим фиксироваться креплением, Стэн тоже немного вышел из себя.

– Послушай-ка, мистер Гладков, – резко сказал он, – ты бы лучше заклятие на свой резвый язык наложил, а то он у тебя явно твои мыслительные процессы опережает. И на Никтопию ты, мистер Гладков, затем и прибыл, чтобы за тройную ставку свою старую жопу на ветру морозить. Не нравится – уматывай. А на счет «подхимичивания» отчетов, вот когда начальником станешь, тогда и будешь решать какие тебе отчеты составлять. Я доходчиво изложил?!

Дядя Вася насупился и ничего не ответил.

– И кстати, мистер Гладков, – не унимался Стэн, – почему в рубке опять воняло твоими сигарами? Я что, не ясно объяснил что в двеллдоуме курение этого шлака запрещено?

– Я-то откуда знаю почему там тебе что-то воняло, – мрачно ответил дядя Вася. – Может у тебя опухоль в мозгу, говорят при этом часто всякие запахи мерещатся, так что проверься на всякий случай.

Мужчины сердито поглядели друг на друга и вернулись к своим занятиям.

Минут пять спустя, дядя Вася сказал:

– Послушай, великий вождь, у меня для тебя есть две новости: плохая и хорошая. Какую хочешь сначала?

Стэн, уже совершенно успокоившийся и сумевший наконец включить последнее крепление платформы, ответил со своим обычным веселым добродушным настроением:

– Ну начни с хорошей, Быстрый Язык.

– Мы можем убираться отсюда.

– Ага. А плохая?

– Соарер-погрузчик не работает.

На некоторое время повисла тишина, если не считать нескончаемого шипения и свиста ветра в причудливой геометрии глубин каменного леса. Стэн прикидывал хватит ли у них сил вручную водрузить «пионера» на платформу, а дядя Вася лениво глядел по сторонам.

– Почему? – Наконец спросил МакГрегор.

– А кто его знает, – равнодушно проговорил Василий Иванович. – Похоже регулятор обратной связи гравиакутатора не фурычит.

Стэн подумал о том стоит ли указывать старпому на то что тому следовало еще в двеллдоуме проверить функционирование основного погрузочного оборудования и решил, что, пожалуй, не стоит.

– Ну ладно, доставай денто-ленты и стикеры, погрузим вручную, – спокойно сказал координационный аналитик.

– Да ты сдурел что ли, Стэн! – Жутким басом, перекрывая могучие ветра Никтопии, рывкнул старпом. – Эта бандура весит как мамонт! Нас в копчике переломит, если мы ее поднять попробуем. Ну её к чертям собачьим. Полетели обратно. Наладим соарер-погрузчик, со временем, тогда и вернемся.

– Что такое мамонт? – Вполне миролюбиво спросил Стэн, давая старпому время и возможность остыть.

– Животное такое с Первой Земли, огромное как дом двухэтажный, – пробурчал дядя Вася с некоторой весьма явственной снисходительной интонацией. Он мнил себя большим специалистом по прародине человечества и глубоко презирал невежество остальных по этому вопросу. – Вот с такенным, – он ударил себя по правому бицепсу левой рукой, подбросив вверх правое предплечье, – носом.

Стэн покачал головой, словно бы впечатленный, но потом улыбнулся:

– Да ладно, дядя Вася, поднимем и мамонта. Ты же у нас могучий как черная дыра.

– Ты озверел что ли! – Снова возмутился Василий Иванович. – Да у нас скорее кишки из задницы вылезут, чем мы эту херь с места сдвинем. Давай, тогда, зови молодого.

– Обойдемся без молодого, – отрезал Стэн, которому надоело увещевать ленивого старпома. – Раз силы сигарами пыхтеть есть, значит хватит и на мамонта. Неси ленты, просунем под «пионера».

Василий Иванович не двинулся с места, хмуро взирая на начальника. Последний спокойно отвечал ему тем же. Однако внешний образ пузатого старпома, складывающийся в том числе из натянутой на самые брови блестящей шапки, огромных черных очков, внушительного красного носа и большой неряшливой включенной зеленой бороды, неожиданно заставил Стэна улыбнуться.

– Во имя длинноногой Гипы, – воскликнул он, – сбрей ты это зеленое безобразие. А то словно пучок каких-то водорослей прицепил.

– Много ты понимаешь. Эта борода не просто так, она может как орденская лента, о многом говорит тому кто знает.

– Выглядит отвратительно, – искренне сказал Стэн. – Сбрей.

– Да она еще больше разрастется, пробовал уже. Мне на этих рудниках проклятых, какой-то там ген что ли повредило. Теперь эта зелень и прёт.

– Ну тогда хоть покрась её что ли.

– Обязательно. В черно-белую полоску не хочешь?

– Хочу. Всё ж таки по приятнее будет.

– Ну хорошо, договорились, – усмехнулся Василий Иванович. – Я крашу бороду в полоску, а вы с Джоном мертвого «пионера» грузите.

Он развернулся и пошел к глайдеру.

– Ты куда? – Не понял Стэн.

– Полечу в двеллдоум. Обрато тебе молодого пришло. – Равнодушно ответил старпом, взбираясь в кабину. – Корячьтесь тут сколько влезет.

Стэн на несколько секунд просто дара речи лишился от такой наглости.

– М-мистер Гладков... – начал было Стэн, но дядя Вася обернулся и хитро улыбувшись, проговорил:

– Да, ладно, товарищ главный командир, не кипишуй. Хочу платформу поближе к «пионеру» подвинуть.

Стэн облегченно вздохнул про себя. Когда он только познакомился с Василием Ивановичем, он сразу понял что ему в подчинение достался тот еще работник. Дядя Вася был слишком независим и своеволен не только в своих суждениях и словах, но также порой и в поступках. И Стэн понимал что старпом воспринимает его, МакГрегора, как своего начальника только до каких-то границ. И когда Стэну казалось что он приблизился к этим границам почти вплотную, он испытывал некоторое неприятное напряжение.

3.

Мобильные роботизированные зонд-камеры были размещены на «маяке» и в «деревне» без ведома самих люксов. По закону на подобные действия полагалось получить разрешение у аборигенов. Но когда всё это происходило землян в двеллдоуме, в нарушение правил, было только двое, «Синан» всё никак не мог найти третьего «добровольца» на такую непопулярную планету как Никтопия. И потому Стэн, которому как всегда было некогда этим заниматься, отправил к люксорам Василия Ивановича с указанием непременно добиться от них позволения осуществлять видеофиксацию их жизнедеятельности. Дядя Вася естественно не обрадовался подобному поручению, но поскольку переложить его тогда было не на кого, отправился исполнять. Он вернулся через пару альфа-часов и хмуро сообщил что разрешение получено и камеры установлены. Стэн выслушал его и тут же забыл об этом. Сам он следить за аборигенами не собирался, Василий Иванович тем более. Видеопоток шел в автоматическом режиме, анализировался искусственным интеллектом по неким фильтрам, затем данные архивировались и складывались в какие-то базы данных, откуда возможно когда-нибудь они будут извлечены и просмотрены каким-нибудь ни в меру любопытным бездельником из многочисленных исследовательских отделов «Синана». Координационного аналитика и его старшего помощника это нисколько не интересовало. Они отчитались кураторам из корпорации о том что видеофиксация ведется и благополучно забыли об этом. Однако как-то на досуге МакГрегор из праздного любопытства просмотрел видеофайл с приват-камеры своего старшего помощника. Все контакты землян с аборигенами в обязательном порядке фиксировались, дабы если случатся какие-то осложнения, потом провести разбор ситуации. И то что Стэн увидел несколько обескуражило его. Дядя Вася честно попытался исполнить поручение. Но столкнулся с некоторым непониманием со стороны местного населения. К тому времени когда МакГрегор прибыл на планету, некоторые из люксов, благодаря работавшим здесь ранее ученым, уже умели разговаривать на унилэнге – универсальном языке землян. Однако дядя Вася быстро выяснил что это знание языка все же довольно ограничено и некоторые понятия донести до люксов довольно проблематично. Приват-камера, бесшумно парившая в паре метров от Василия Ивановича прекрасно зафиксировала как тот прилагал отчаянные усилия чтобы преодолеть возникшее непонимание. «Глаз! Глаз, блядь, летающий можно над вами запускать

или нет?!», кричал раскрасневшийся дядя Вася притихшим аборигенам. Последние, которые со своим полутораметровым ростом пред внушительным пузатым землянином и так выглядели мелко, ещё более съеживались и уменьшались в размерах от накала дяди Васиного голоса. Они никак не могли уразуметь чего от них хотят. Василий Иванович махал руками в небо, тыкал люксорам в глаза, складывал большой и указательный палец буквой «О» и подносил их к собственному глазу. «Во! Вот так! Вот так смотреть за вами оттуда можно или нет?!», требовал он. Люксоры тихо, с некоторым шипением, робко отвечали ему, что смотреть «оттуда» у них не получится. «Да не у вас, бурдюки вы не доделанные!», горячился дядя Вася, «нам, землянам, можно смотреть на вас оттуда через летающий глаз?» «Сачем семлянам смотреть оттуда, если вы можете смотреть на нас здесь?», интересовались аборигены. Дядя Вася багровел и начал всё сначала. По мере продвижения переговоров, его речь всё больше перемежалась матом, который путал несчастных люксоров еще больше. «Понять нашу мать?» испуганно переспрашивали маленькие аборигены и их полусферические головы сотрясались в полном недоумении. В конце концов утомившийся дядя Вася потребовал от люксоров чтобы они прошли очередной «ритуал дружбы», он не раз уже использовал эту уловку. На этот раз подтверждение дружбы заключалось в том чтобы приложить свою конечность к биосканнеру и торжественно произнести: «Я и мой народ подтверждаем что полностью и безоговорочно согласны с тем что бы любая наша жизнедеятельность фиксировалась мобильными видеокамерами корпорации „Синан“ и даем на это полное наше разрешение». После чего дядя Вася буркнул: «Свободны» и удалился. Естественно ни один, даже самый беспечный планетарный юрист не признал бы это «разрешение», ибо, конечно, аборигены так и не поняли на что они согласились и что такое видеокамеры. Но всем было наплевать. Стэн просто посмеялся над записью с приват-камеры дяди Васи и потом, когда уже появился Джон, как-то между делом показал её и ему.

Но так или иначе теперь молодой человек мог не сходя со своего удобного упругого кресла наблюдать за тем что происходило в большой круглой комнате на третьем этаже «маяка». Сейчас там дежурил зеленый Миша.

Люксоры не носили никаких одежд, вместо этого их дряблые мясистые тела покрывали три кожаных мантии, которые дядя Вася пренебрежительно именовал «чехлами». Причем иногда он распространял это название на весь народ, используя его вместо «люксоры». Эти мантии, которые могли раздуваться, складываться, натягиваться и прочее, имели весьма богатую функциональность. И как согревающие элементы, и как вентилирующие, и как подобие парусов, и в качестве мимики. Кроме прочего они были разных цветов, в основном зеленого и синего. Чем старше становился люксор, тем больше оттенки его мантий переходили от синего к зеленому.

На маяке попеременно дежурили двое аборигенов. Одного из них дядя Вася прозвал Миша. На вопрос Джона почему, Василий Иванович равнодушно пожал плечами и бесхитростно ответил потому что так его и зовут: «Он сам сказал. Ну то есть там что-то вроде миа-шульшес-хер-пойми-как-дальше, но это по-ихнему, по-чехлянски, а по-человечески Миша. Да ты не сомневайся, он на Мишу откликается». Второй абориген, видимо намного более молодой чем Миша, имел яркий светло-синий цвет. В отличии от своего старшего товарища, он еще не овладел унилэнгом, а потому в глазах Василия Ивановича вообще не представлял никакой ценности. Дядя Вася даже не обременил себя выяснением имени Мишиного напарника и называл его просто Синяк или иногда «молодой». «Кто сегодня на маяке? Молодой?», временами лениво интересовался Василий Иванович у Джона. И получив подтверждение, тут же равнодушно возвращался к своим делам. Если же на маяке дежурил Миша, который порой также именовался Михалычем, то дядя Вася, когда находился в благодушном настроении, мог даже сходить к нему в гости. После чего со смехом передавал содержание диалогов с инопланетянином своим товарищам. Джону казалось что дядя Вася упорно воспринимает Мишу и всех

его соплеменников как каких-то говорящих собачек и потому беседы с ними весьма забавляют его как некий замысловатый ярмарочный аттракцион.

Стэн МакГрегор, однако, смотрел на эти посещения несколько неодобрительно. Главным образом из-за того что Василий Иванович совершенно наплевательски относился ко всем инструкциям по Первому контакту и частенько грубо их нарушал. Впрочем, скорее по незнанию, чем умышленно. Дядя Вася болтал с Мишей на абсолютно любые темы, причем порою и довольно фривольного толка. Землянами из Первой партии было установлено что люксоры не имеют мужского и женского пола и являются чем-то вроде гермафродитов. Любой из них мог зачать в себе жизнь и родить одного ребенка, который при этом очень быстро становился взрослым. Однако ученые Первой партии так и не разобрались в спусковом механизме этого процесса и оставалось неясным что заставляет люксоров становится беременными в тот или иной момент. И вот дядя Вася время от времени пытался разобраться в этом вопросе, при этом он в свою очередь весьма красочно живописал Мише как всё это происходит у землян, для чего нужны мужчины и женщины, в чем их главные различия и как для них протекает процесс зачатия. Кроме этого, Василий Иванович любил рассказывать доверчивому инопланетянину на что вообще похожа жизнь землян, повелителей могучих технологий и владык Космоса. Особенно по сравнению с той, по его мнению, крайне убогой жизнью, которую вели люксоры в своей деревне на этой сумрачной холодной планете, именовавшейся Василием Ивановичем не иначе как «жопа мира» и «галактические ебенья». Всё это конечно напрямую противоречило инструкциям Первого контакта, настоятельно требовавшим от инициаторов контакта крайне аккуратного отношения с разумными автохтонами выбранной планеты. Контактерам по возможности следовало избегать любого упоминания, описания, а тем более наглядной демонстрации каких-либо технологий, далеко превосходящих возможности, а порой и воображение менее развитых инопланетян. И делалось это даже не с целью постараться избежать нарушения хода естественных исторических процессов на данной планете, а для того чтобы ни в коем случае не вызвать у аборигенов какого-то религиозного отношения к пришельцам, не допустить обожествления последних и причисления их к каким-то высшим силам. Это предписание, конечно, было достаточно трудновыполнимо, ибо порой одних транспортных средств землян уже хватало для того чтобы повергнуть автохтонов в шок и стать причиной новой местной мифологии. Но тем не менее следовало прилагать усилия. Однако Василий Иванович этим не заморачивался, с удовольствием повествуя Мише о громадных космических станциях, исполинских межзвездных кораблях, умных домах, бескрайних многоуровневых городах с причудливыми небоскребами, о роботах-женщинах, о планетолетах, о видеокамерах, голографии, гиперпространстве и особенно о могучих буровых шахтерских комплексах, вгрызающихся в недра планет. Правда благодаря несколько своеобразной подаче информации в голове Миши всё это откладывалось достаточно причудливым образом. И теперь он почти благоговел перед словом «хренотень», ибо дяди Васины повествования обычно начинались с такой фразы: «А еще у нас есть такая хренотень...»

Не смотря на то что инструкции Первого контакта входили в состав Звездного кодекса и были обязательны к исполнению для всех кого они касались и за этим даже пытались следить соответствующие учреждения и органы власти, непосредственные участники контакта обычно относились к этим предписаниям довольно легкомысленно, считая их слишком надуманными, оторванными от жизни и практически нереализуемыми в реальности. Стэн МакГрегор был не исключение. И потому довольно редко, хотя это и входило в его должностные обязанности, изучал записи с приват-камер своих подчиненных. Ему было не до этого. Корпорация «Синан» пыталась экономить на всём и потому координационному аналитику хватало других забот. Он практически один занимался всеми зондами и исследовательскими комплексами на Никтопии, хотя по штатному расписанию для этого отводилась отдельная команда как минимум из трех человек. На Василии Ивановиче, как бывшем шахтере, лежала ответственность за обе действу-

ющие шахты и всё буровом и добывающем оборудовании. Тогда как согласно всё тому же штатному расписанию корпорации на каждую шахту отводилось по два смотрителя-наладчика. Джон же был на подхвате у обоих своих начальников.

Но хотя Стэн и мало интересовался контактами своих подчиненных с инопланетянами, кое-что он конечно же подмечал, ибо время от времени и сам беседовала с Мишей, а также, в силу своей руководящей должности, посещал деревню люксоров и участвовал в некоторых официальных мероприятиях. На одном из таких, посвященном открытию новой теплицы, возведенной при помощи землян, а точнее одного из них, Джона Тимирязьева, благодарный старейшина общины по имени Ворчик произносил речь. Своё имя, как и многие на Никтопии, он получил в дар от Василия Ивановича, который почему-то считал что этот старейшина не чист на руку и понемногу приворовывает у своих соплеменников. Ворчик не владел унилэнгом и потому его речь для Стэна переводил Миша. В какой-то момент, где-то ближе к окончанию речи, координационный аналитик услышал: «Да озарит твое чело свет Вечного Дня, глубокоуважаемый и многомудрый, СтэнМакГрегор. И я, Эльгуарошунс, как руководитель моего племени, клянусь, ебать мои кастрюльки, что...»

«Мои кастрюльки?!...», спустя пару часов гневно вопрошал координационный аналитик у своего старшего помощника. Дядя Вася пытался отпираться, настаивая что не понимает с чего бы это Миша вставлял в свой перевод такие присказки, что ничему подобному конечно же его не учил и представления не имеет где он этого понахватался. Может быть от ученых из Первой партии? «А ну его в седалище этого товарища тоже от ученых?!» восклицал раскрасневшийся Стэн. Василий Иванович с недоумением пожимал плечами.

Тогда МакГрегор внимательно изучил некоторые из записей приват-камеры своего старшего помощника и пришел в легкое замешательство. Впрочем, координационный аналитик был человеком отходчивым и к этому времени воспринимал дядю Васину манеру ведения контакта скорее с юмором, чем с раздражением. Тем не менее Василию Ивановичу было вынесено суровое порицание, а также сделано внушение и напоминание о том что Звездный кодекс в разделе инструкции Первого контакта настоятельно требует от контактеров всеми силами беречь психику и душевное здоровье инопланетян, а также ни в коем случае никак не критиковать и не унижать их мироустройство, социальный строй и жизненный уклад и стараться никак не ранить, осознанно или неосознанно их достоинство, самолюбие и чувство собственной важности. А потому в присутствии люксоров запрещено называть Никтопию «жопой мира», их деревню «мухосранском», а их самих «чехлами».

Кроме того, дяде Васи возбранялось играть с Мишей в карты.

По Млечному Пути среди землян давно ходила такая байка, что по-настоящему разумность инопланетян можно проверить только карточными играми и в особенности покером. А всё это ПИ-ранжирование и прочие шкалы интеллекта просто бред сивой кобылы. Если инопланетянин способен понять правила покера, сыграть в него или тем более выиграть у землянина, то он разумен на все сто. А если «он ни в очко, ни в буру не может», то его вряд ли можно признавать разумным существом. Василий Иванович свято верил в это правило. И потому Мише после первой встречи с дядей Васей довольно быстро пришлось усвоить что такое блеф, слоуплей, стрит, фул-хаус, каре, «аякс», «рука мертвеца», «большая цыпочка», «собачья работа» и т. д. И также быстро Миша доказал свою стопроцентную разумность и уже бойко отвечал: «сiju с ракетами на кнопке», «мне флопается сет», «рейжу трех лимперов». Но Стэн запретил дяде Васе карточные игры с маленьким инопланетянином не потому что считал что это как-то развращает и портит последнего. А потому что дядя Вася постоянно проигрывал, при этом бурно и заковыристо матерился, обогащая и без того уже излишне богатый лексикон Миши, а кроме того в качестве платы за проигрыш передавал инопланетянину разные предметы, часть из которых вполне подпадали под разряд технологических устройств и, следовательно, согласно Звездному кодексу ни в коем случае не должны были оказаться в руках

автохтонов. По крайней мере пока не будут заключены юридически грамотно составленные договоры и наложены резолюции соответствующих разрешительных органов. Дядя Вася уже успел проиграть Мише часы, барометр, термометр, разноцветный универсальный маркер рисующий на чем угодно, вечную зажигалку, несколько разнокалиберных фонариков (их Миша особенно ценил) и куст бегонии вместе с горшком и землей, причем горшок и земля шли отдельными ставками. После этого дядя Вася начал пускаться на различные хитрости, бессовестно обманывая доверчивого инопланетянина. Сначала он проигрывал ему по кускам моток алюминиевой проволоки, выдавая её за кровеносные сосуды киборгов с Марса и приписывая ей целебные свойства, затем разломанную на кусочки стандартную панель обшивки двеллдоума, выдавая их за волшебные камни с далекой планеты, затем перешел на красочные обертки от конфет и чипсов, выдавая все это за произведения искусства с Земли, а в конце концов он сделал ход конём и научил Мишу читать на унилэнге. После чего он распечатал трехтомное лицензионное соглашение между Звездным Содружеством и корпорацией «Синан» на освоение Никтопии и ставил на кон по одному листочку, утверждая что каждый листок это отдельная сокровенная скрижаль «Книги бытия» и если Миша соберет их все, прочтет и сумеет понять, то он познает единственную всеобъемлющую истину, заключающую в себе все внутренние законы мироздания и тайны всего сущего и сможет движением мысли повелевать пространством, временем и материей. Миша очень проникся этой идеей. На его закономерный вопрос почему ни сам Василий Иванович, ни кто-то другой из землян еще этого не сделал, дядя Вася честно отвечал что ни у него, ни у любого другого из землян еще не хватило ни сил, ни терпения, ни мозгов прочесть и разобраться во всей «этой хероте». На вопрос что есть «херота», дядя Вася объяснил что это научный термин, которым именуют «Книгу бытия». После чего Миша благоговейно шептал «хе-ро-та» и закатывал глаза. И в меру своего мягкого характера требовал от дяди Васи чтобы тот ставил на кон новые листы «хероты». Василий Иванович, делая вид что ему не слишком-то это по душе, соглашался.

Если же выигрывал дядя Вася, то он обычно получал различные овощи и фрукты из многочисленных теплиц люксоров. Особенно ему полюбились плоды, которые он называл «бананами» из-за некоторой схожести в форме и легкости снятия кожуры. Стэн пришел в ужас, когда узнал что дядя Вася спокойно добавляет эти «бананы» в их супы и овощное рагу. Внесение на территорию двеллдоума любых инопланетных биологических форм воспрещалось не только Звездным кодексом, Уставом Первой партии, внутрикorporативными предписаниями, но и самым здравым смыслом. Ибо это конечно было чревато самыми непредсказуемыми последствиями, в чем земляне не раз уже успели убедиться за долгую историю своей космической экспансии. «Василий Иванович, ну бляха-муха», срывался Стэн, «ты что дитя малое?! Ну как так можно?! Там же возможно совершенно иная биохимия, попадетсЯ какая-нибудь бактерия и нас на изнанку вывернет или рога на голове вырастут! Это же надо всё тестировать, биорисследование назначать». «Я протестировал», хмуро отвечал Василий Иванович. «Каким образом?» «Ну помнишь Джон два дня дрисстал». Не находя слов Стэн ошарашено глядел на своего старшего помощника. «А что?», пожимал плечами Василий Иванович, «он ведь сам жаловался на запоры. Я и подумал может поможет. И вишь как его проняло, а еще оказалось что и на вкус пальчики оближешь. Помнишь как он восторгался моим рагу, да и ты сам потом руками махал, мол, какой потрясающий вкус у этих паттисонов, забыл что ли?» Стэн качал головой и требовал что бы все будущие никтопианские пищевые добавки в обязательном порядке тестировались в мобильной биологической лаборатории двеллдоума и именно столько сколько указано в инструкции. А не просто сунуть «банан» на пять минут в биосканнер и готово.

И таким образом, Стэн МакГрегор считал что у него хватает причин не слишком приветствовать дяди Васины контакты с местным населением. Впрочем, после запрещения карточных игр эти контакты резко пошли на убыль. Стэн пригрозил что настроит автоматические фильтры и будет через них пропускать все записи с приват-камеры господина Гладкова и если обна-

ружится еще хоть один покерный турнир, то бывший труженик каталонских шахт немедленно отправится прочь с Никтопии, а заодно и из корпорации с соответствующей записью в трудовой книжке. И тогда его долгожданная встреча с вождленным очаровательным геноидом будет отложена на неопределенный срок. Конечно старший помощник мог просто отключить свою приват-камеру и играть с Мишей во всё что угодно. Но такое деяние классифицировалось уже как уголовное преступление для всякого кто действовал в рамках Первого контакта, во время которого закон требовал фиксировать любые, даже совершенно случайные, встречи землян с аборигенами. А Стэн МакГрегор и его команда, как и вообще вся деятельность «Синана» на Никтопии всё еще подпадали под условия Первого контакта. Конечно когда-нибудь юристы корпорации сумеют вывести планету из-под этого ограничения и для «Синана» всё станет гораздо проще. Но пока этого не случилось, приват-камеры в обязательном порядке активизировались при появлении в поле зрения любого разумного автохтона Никтопии. И если бы дядя Вася выключил запись, то это так или иначе могло бы где-нибудь всплыть, пусть и совершенно случайно. И тогда пострадал бы не только господин Гладков, но и его непосредственный руководитель, а возможно, за компанию, и Джон. И хотя все прекрасно знали что практически никто никогда не смотрит эти бесконечные записи с приват-камер, за исключением разбора каких-то нештатных ситуаций и чрезвычайных происшествий, всё же те кто участвовал в Первом контакте не позволяли себе отключать их. И не потому что за это грозило реальное уголовное преследование, а из-за того что это действительно могло помочь в каких-то сложных ситуациях и даже спасти чью-то жизнь. Впрочем, как всегда это было всего лишь придуманное правило и его обходили все кому это действительно требовалось. Зачастую предпринимались различные махинации, в результате которых юристам корпораций удавалось сократить сроки Первого контакта буквально до нескольких альфа-месяцев или до того момента как планету покинет обязательная команда ученых из Первой партии. Подкупали чиновников из Планетарного корпуса, подкупали судей, выписывающих ордера на аннулирование Первого контакта, подкупали ученых из Первой партии, подкупали даже самих аборигенов чтобы те согласились признать землян равноправными владельцами планеты. Впрочем, и сами участники Первого контакта, если им и правда это требовалось, отключали свои приват-камеры. В подавляющем большинстве случаев это оставалось незамеченным и всем сходило с рук. Но никто не стал бы этого делать ради игры в покер, где на кону стояла связка «бананов» и распечатанный листок лицензионного соглашения.

Так или иначе Василий Иванович внял угрозе, ибо прекрасно знал что господин МакГрегор мог быть и решительным и жестким когда того требовала ситуация или его внутренний эмоциональный накал. И таким образом Миша потерял свой шанс стать повелителем пространства и времени, дочитав до конца трехтомное лицензионное соглашение.

4.

С другой стороны МакГрегор был совсем не против когда к Мише ходил Джон. Стэн считал что молодой человек обладает идеальным сочетанием такта, воспитания и любознательности чтобы достигнуть на этом поприще каких-то успехов. И поскольку топ-менеджеры «Синана» время от времени напоминали координационному аналитику о необходимости развития и углубления контактов с местным населением, то и Стэн в свою очередь, как мог поощрял стремления Джона побольше узнать о люксорах и никтопах.

Что касается никтопов, гуманоидных существ, покрытых густой черной шерстью и напоминавших больших бесхвостых котов, то о них землянам было известно гораздо меньше, чем о люксорах. Никтопы не выказывали никакого дружелюбия к пришельцам и старались держаться от них подальше, хотя и проявляли кое какое любопытство и согласно зонд-камерам частенько бродили и вокруг двеллдоума и возле шахт и рядом с многочисленными исследовательскими комплексами, разбросанным по планете. Земляне платили им той же планетой и мягко говоря недолюбливали этих «котяр». Главным образом за то что как выяснилось основ-

ным источником пищи для плотоядных никтопов служили мясистые, медлительные, мягкотелые люксоры. Причем больше всего землян поражало то что люксоры вроде бы и не старались как-то особенно сопротивляться этому.

Никтопы жили в горах, в пещерах, в каких-то подземелиях, прекрасно видели в темноте, имели жуткие выдвигаемые когти и острые зубы и поначалу считались участниками Первой партии обычным диким зверьем. Опасным и хищным. Но довольно быстро выяснилось что они вполне разумны, обладают речью и довольно сложным социальным устройством. Но больше всего землян поразило следующее. Несколько раз никтопы вступали в контакт с пришельцами и при этом вполне внятно и членораздельно изъяснялись на унилэнге. Они пытались выяснить что землянам нужно на Никтопии. Это потрясло ученых. Они никак не могли уразуметь каким образом никтопы овладели неизвестным им ранее языком. Ученые сошлись на некоторой неопределенной теории что никтопы каким-то образом переняли унилэнг от люксоров. Возможно обе расы контактировали не только как хищники и жертвы. Но так или иначе ответы землян видимо не удовлетворили никтопов, или котообразные автохтоны просто не поняли их. Дальнейшего сближения не произошло. Никтопы по-прежнему держались в отдалении, а если земляне пытались добраться до их жилищ, никтопы просто растворялись в неизвестности, в бесконечных запутанных катакомбах и пещерах.

В конце концов юристы «Синана» повернули дело так что основной разумной расой Никтопии стали именно люксоры, а никтопов следовало воспринимать как невежественных кровожадных дикарей, которые хотя и обладают некоторой разумностью, но полноценным сапиенс-видом считаться ни в коем случае не могут. И потому для первичного освоения планеты достаточно заручиться поддержкой только люксоров. Что и было довольно быстро проделано. Маленькие гладкокожие доверчивые инопланетяне ничуть не возражали. И вполне охотно скрепили биопечатями все необходимые договора и разрешения.

Джон как и все с симпатией относился к добродушным люксорам и искренне ненавидел никтопов. Но гораздо больше двух этих рас его занимали те, кого земляне прозвали «ладошами». С точки зрения молодого человека, да и не только его, это были поистине удивительные существа, практически непостижимые. Ученые из Первой партии так и не разобрались до конца что это такое. Вообще складывалось впечатление что они мало в чем успели разобратся и покинули Никтопию довольно поспешно. Дядя Вася на это обычно ворчливо замечал, что это естественно, кому охота морозить себе задницу посреди холодной каменистой пустыни, где вокруг царствует вечная ночь. К тому же ходили упорные слухи что синанцы нажали на все возможные пружины и смазали все нужные колеса чтобы Первая партия максимально быстро убралась с планеты и можно было приступить к непосредственным разработкам залежей драгоценного *доменита*, чудесного, божественного, как его многие называли, металла, из которого изготавливались модули развертки гиперполя.

Ладоши буквально завораживали Джона. На первый взгляд это были бесформенные сгустки непонятной субстанции, которую люксоры приспособились использовать в сугубо утилитарных целях. Для освещения своих улиц, домов, теплиц и так далее. Они помещали ладошей в большие стеклянные сферы, внутри которых те летали по хаотическим траекториям, испуская при этом яркое ровное свечение. Ладоши действительно отдаленно напоминали ладонь взрослого человека, особенно когда их свечение ослабевало и можно было разглядеть плоскую амебообразную зеленоватую массу с темными прожилками. Именно эти прожилки начинались светиться первыми, напоминая раскаленные нити. После чего подключалось и остальное тело и сияние охватывало всего ладоша. При всем при этом ладоши еще и свободно летали в пространстве. Именно эта их способность более всего озадачивала ученых. Если для объяснения свечения у них еще были какие-то теории, то для полетов таковых уже не находилось. И также оставалось загадкой откуда ладоши черпают энергию, на первый взгляд казалось что они ничего не потребляют. Естественно всеми этими вопросами долго мучили

люксоров, раз уж они научились использовать ладошей. И гладкокожие инопланетяне охотно старались помочь землянам в их желании постигнуть сущность ладошей. Но успехом эти усилия не увенчались. Сказались многочисленные трудности перевода. Как всегда при Первом контакте было очень непросто соотнести многие понятия из унилэнга с понятиями из языка инопланетян. Для каких-то материальных или универсальных объектов это происходило очень быстро, а для каких-то требовались месяцы и чуть ли не годы, чтобы и контактеры и автохтоны поняли наконец о чем идет речь. Кроме того часто случалось так что аналогичное понятие просто отсутствовало в той или иной культуре. Земляне и люксоры быстро разобрались как в обоих языках обозначается допустим камень, свет, темнота и эти объекты уже не вызывали никаких сложностей при переводе. Но с абстрактными понятиями было сложнее. Ученые долго не могли понять что же именно заставляет светиться ладошей. Люксоры упорно называли это неким словом, которое приблизительно звучало как «илвама». Но что это за илвама такая земляне не понимали. Они просили люксоров показать её. Тогда те закрывали глаза, делали то что отдаленно напоминало как человек садится на корточки и неподвижно застывали. И так и сидели не произнося ни звука и не шевелясь. Это и была илвама.

Люксоры сказали что первоначально ладошей находят в недрах планеты, на больших глубинах в виде твердых сморщенных бесформенных образований. Это как бы ладоши спали. По мере получения от люксора илвамы эти твердые куски размягчались, становились похожими на пластилин, расправлялись и принимали форму ладони. Спустя какое-то время эти «блинчики» начинали шевелиться, подниматься в воздух и снова шлепаться на землю. А за тем в один прекрасный момент они взлетали и больше практически не опускались. Хотя было зафиксировано несколько случаев когда ладоши гасли и распластывались на плечах люксоров. Ученые хотели чтобы им показали где находят ладошей. Но этого люксоры сделать не смогли или не захотели, невразумительно объясняя что те сами приходят к ним. Но как именно они «приходят» осталось неясно.

В конце концов уже перед самым свертыванием Первой партии один из биологов нашел разгадку илвамы. Самым подходящим словом для перевода этого понятия оказалось слово «любовь». На первый взгляд это звучало смехотворно. Но чем больше люксорам объясняли что такое любовь и как она воспринимается людьми, тем охотнее и радостнее люксоры подтверждали что да, это она и есть, илвама. Таким образом ученая братия сошлась на том что маленькие инопланетяне испускают некие эманации любви, которые каким-то образом улавливаются ладошами и те от счастья что их любят светятся. Всё это конечно звучало довольно нелепо, если не сказать бредово, но никому уже не было до этого никакого дела. Разрешение на освоение было получено и юридически закреплено, Первая партия торопливо покинула негостеприимную планету, а в «Синане» всем было глубоко наплевать как именно освещают свои дома примитивные аборигены Никтопии. При помощи левитирующего пластилина, который нужно любить? Пусть будет так. Во Вселенной всякое случается. Главное это домениит. Однако перед масштабной разработкой, все же решили для начала запустить две пробные шахты с минимумом персонала. К тому же ученые предупреждали что после окончания 89-тилетней зимы Никтопию ждут глобальные невиданные перемены. Никто точно не знал на что будет похожа планета в свой теплый период и это обстоятельство немного смущало топ-менеджеров корпорации. Они не были уверены, что если развернут масштабное освоение, сумеют за 23 оставшихся альфа-года отбить вложенные в планету деньги, а поскольку при наступлении Вечного дня новые природные условия могли привести к полному перестроению методики добычи доменита, что конечно же повлекло бы дополнительные траты, некоторые высказывались за то что бы вообще все отложить до наступления Лета. Дискуссии еще продолжались, но пока сошлись на эконом-варианте с тремя работниками, которым если что можно будет легко пожертвовать.

Джон поднялся из-за стола.

– Пойду на маяк, – сообщил он Василию Ивановичу.

– Знаешь как я назову свою женщину? – Спросил старший помощник.

– В честь вашей мамы? – Простодушно предположил Джон.

Василий Иванович повернулся в кресле и внимательно поглядел на молодого человека.

– Это очень скверная шутка, – веско произнес он.

– Да я не имел ввиду ничего такого, – испуганно проговорил Джон.

Василий Иванович широко улыбнулся, тряхнув своей неряшливой зеленой бородой.

– Ладно-ладно, знаю что не имел, – весело сказал он. – Я назову её Анжелина. Кристально чистое имя, нежное и полное страсти. Всю жизнь мечтал трахнуть девицу с таким именем.

– Разве это так важно какое у девицы имя?

– Вам молодым конечно не важно. Вам бы только свою шишку запарить. Потыкали девку и бежать. Даже имени не спросите. А нам старикам уже всё важно. Мы же смакуем.

– Ясно, – быстро сказал Джон. Ему хотелось избежать очередного нудного дяди Васиного рассуждения на тему плотской любви. – Ну я пошел.

– Валяй, – равнодушно бросил старший помощник и вернулся к экрану с красоткой.

5.

В главном шлюзе двеллдоума, застегивая термокомбмнезон, Джон посмотрел на панель приборов. -31 по Цельсию, влажность 85%, давление 751 мм рт. ст, ветер 3,6 м/с. По никтопианским меркам можно было сказать, что погода просто шепчет. Не слишком холодно и практически безветренно. Джон любил бывать снаружи, когда стихал ветер. До маяка было буквально 200 метров, но у молодого человека прогулка заняла почти полчаса. Потому что он останавливался и созерцал. Просто глядел по сторонам, пропитываясь окружающим сюрреалистическим пейзажем и почти благоговейно вслушиваясь в безраздельную тишину удивительной планеты. Слабое холодное свечение тусклой бледно-голубой звезды размером с кулак наполняло вечную ночь Никтопии зыбкой сумеречностью и какой-то трансцендентальной отрешенностью. Бурая холмистая равнина, усеянная валунами, щебнем, рванными лоскутами синего снега и глянцевидными, чуть красноватыми участками растений, названных землянами *ферралга*, теряясь в темноте ночи и едва-едва отражая звездный свет буквально гипнотизировала молодого человека. Здесь не было места суе и скоротечности. Время здесь становилось медленным и незаметным. Пространство окутанной темнотой и освященное холодом не знало ничего кроме неподвижности камней и безмолвия звезд. И Джон с замиранием сердца представлял а что если бы довелось провести в таком месте не дюжину месяцев, а всю свою жизнь. Не видеть ничего кроме этих зыбких сумерек и молчаливой ледяной равнины. И как бы ни было это странно в его душе не рождалось абсолютного явного протеста при этой мысли. Скорее такая перспектива завораживала его. Ему представлялось что такая судьба обрекла бы его на обретение покоя, ибо не было здесь места ни любви, ни ненависти, сама жизнь и смерть казались незначительными случайностями пред холодным безмолвием погруженной в вечную ночь планеты. «Но зачем мне покой», улыбнулся Джон, «мне ведь по дяди Васиным словам самое время бегать и тыкать девок».

Он вдохнул морозный воздух и чуть ли не с нежностью подумал о своей защитной одежде и обуви, столь заботливо хранившие его тело в тепле и уюте. Всё же очень любопытно будет взглянуть на Никтопию Летом. И он решил, что если доживет до своего первого пятидесятилетия, обязательно отметит это событие поездкой сюда. К тому моменту пройдет уже пять лет как планета будет нежиться в тепле двух светил и ученые обещали что она совершенно преобразится. Интересно будет посмотреть.

Джон включил налобный динамо-фонарь и быстро зашагал к маяку. По пути в который раз подумав что всё-таки Никтопия это странное место. Взять хотя бы эту ферралгу, удивительное растение, толстой пленкой покрывавшее определенные скальные породы. Именно она, отдаленно напоминавшая водоросли Первой Земли, была ответственна за то что атмосфера

Никтопии не имела недостатка в кислороде. Джон был далек от химии, но насколько он понял ферралга расщепляла кислородсодержащие неорганические соединения, какие-то там оксиды, карбонаты, сульфаты, поглощая основание и выделяя в воздух драгоценный, по крайней мере для землян и никтопианцев, газ. А говоря еще проще ферралга пожирала скалы и камни и при этом высвобождала связанный кислород. Ученые из Первой партии никак не могли прийти к консенсусу по поводу происхождения ферралги. Она вроде бы взялась из неоткуда, концентрировалась в основных местах поселения никтопианцев и создавалось впечатление что главное её предназначение чтобы биологические виды планеты не погибли бы от удушья. Некоторые горячие головы высказывались даже за искусственное происхождение растения.

Джон приблизился к каменному строению маяка. С трудом отодвинул тяжелую дверь и вошел внутрь. После чего тщательно закрыл её. В очередной раз подивился тому сколько всё же силы в тщедушных на первый взгляд люксорах, умудрявшихся справляться с этой дверью. Маяк, как и другие помещения люксоров, обогревалось сжиганием ископаемого топлива, которое земляне по привычке окрестили «углем». Но это было далеко не уголь, к которому привыкли люди на Альфа-планете. Как выяснила Первая партия этот материал представлял собой твердые продукты жизнедеятельности одного крупного местного организма, который судя по всему жил только в летний период Никтопии.

Тепло, конечно, следовало беречь. По традиции, каждый гость, проходя мимо кучи «угля» на первом этаже, прихватывал с собой порцию и нёс её наверх. Однако эти каменные куски с точки зрения землян издавали некоторое зловоние. И дядя Вася, например, именовавший это ископаемое топливо не иначе как «говно мамонта», наотрез отказывался брать его в руки. Но Джон, стараясь не дышать глубоко, быстро закинул в маленькую корзинку несколько камней «угля» и пошел по лестнице наверх.

В главной комнате маяка было жарко натоплено. По счастью при сжигании топлива, его зловоние практически не распространялось и земляне могли находиться в помещениях люксоров без назальных фильтров. Маленький зеленый Миша, превратившись практически в шар, сидел в углублении в полу и блаженствовал. Круглая комната освещалась молочным светильником, подаренном землянами. Светильник работал от энека, универсальной батарейки, которую можно было зарядить практически от любого источника энергии. Например просто бросить в огонь. Прежде здесь для освещения использовались свечи, но жир из которых их делали опять же издавал некоторое амбре и Василий Иванович счел за благо осчастливить отсталых инопланетян одним из технологических чудес своей сверхцивилизации.

Джон откинул капюшон, полностью расстегнул термо-комбинезон и наполовину вылез из него. При этом он не сводил глаз с Миши. Голова люксора, напоминая перевернутую миску, до этого утопленная в туловище, вылезла и два узких глаза раскрылись и сфокусировались на госте.

Джон уже знал что Миша способен одновременно и общаться с ним и поддерживать контакт со всеми своими ладошами. А контакт разрывать ни в коем случае нельзя. Миша отвечал за половину наружных фонарей деревни. За другую половину отвечал маяк, располагавшийся с противоположной стороны поселения.

И снова Джон задумался о том свидетелем какого удивительного процесса он является. Маленький инопланетянин умудрялся одаривать своей любовью, илвамой, почти семь десятков существ. Как это возможно? Василий Иванович также изумлялся этому: «Тут не знаешь как одну жену любить, так чтобы не прибить между делом, а Михалыч чуть ли не сотню за раз оприходует и ничего!»

Миша и его напарник Синяк, дежурили по очереди. Каждое дежурство длилось примерно 16 альфа-часов. И все эти часы люксор на маяке, земляне прозвали их «фонащиками», должны были непрерывно <любить> своих маленьких подопечных, дабы те продолжали излучать ровный яркий свет, защищая жителей деревни от тьмы вечной ночи. Для Джона это было

невероятно. Он не мог представить как можно любить часами. Ведь любовь это чрезвычайно сильная эмоция, переживание, которое невозможно длить и выносить часами. Для человека это немислимо. Еще более невероятно это было для дяди Васи. «Любить шестнадцать часов подряд!», восхищенно восклицал он, «И как только любилка не отвалится?!» Джон обычно ничего на это не говорил, но про себя думал что Василий Иванович кажется как-то не так понимает слово «любить», как-то по своему, по плотскому. И он явно не совсем представлял чем занимаются люксоры на маяке. Впрочем, возможно это был просто юмор. Иногда молодому человеку мнилось что Василий Иванович далеко не так прост как хочет казаться и в глубоких карих глазах старшего помощника порой весело сверкает свет истинной мудрости. С другой стороны это ощущение моментально пропадало как только дядя Вася, например, выходя из туалета начинал возмущаться: «Блядь, ну мужики, ну кто опять мимо унитаза нассал?! Или вы когда стряхиваете, причиндалом своим как флагом размахиваете?» Ни Стэн, ни тем более Джон обычно не находили что ответить.

– Доброго времени, – поприветствовал Джон инопланетянина.

– Да хранит тебя лучезарная Исида, ДжонТимириязьев и да не сметет тебя дыхание Великой Гипы, – тихо ответил люксор и один из его чехлов чуть завибрировал. Это был аналог человеческой улыбки. Сила вибрации соответственно была шириной этой улыбки.

Люксоры никак не могли понять смысл имен, фамилий, вторых имен или отчеств и потому упрямо называли землян одним словом, соединяя все их имена. Что же касается лучезарной Икиды и Великой Гипы, то это были следы дурного влияния Василия Ивановича, за что он в свое время получил небольшой втык от координационного аналитика.

Исида давно и прочно заняла место в космическом фольклоре землян. Всё началось с первых прыжков через гиперпространство. Астронавтов, решавшихся на Прыжок, называли хайджерами. Они получили эту кличку от сокращения слова гипер-джампер. Их корабли снабжались внутренней системой с искусственным интеллектом, полное наименование которой звучало так: Исполнительная Система Извлечения Данных и Анализа. Никто уже не помнил кто придумал это название или оно как-то само образовалось, но очень быстро эти слова слились в аббревиатуру и еще быстрее в кругу хайджеров сформировалась привычка доброго напутствия: «Да хранит тебя Исида», столь же шутивного сколь и священного для них. И с тех самых пор прекрасная ясноликая повелительница скорпионов и крокодилов навсегда стала хранительницей всех космических путешественников, оберегая их корабли и души на бесконечных межзвездных путях.

Великая же Гипа являлась олицетворением того самого безраздельного, замкнутого, для многих совершенно непостижимого пространства над тремя явными. Гипа была довольно суровой и равнодушной богиней. Она ничего не требовала от своих адептов и практически не замечала их. Вечная Странница, Хранительница Бесконечных перемен, всеведущая богиня, путешествующая из ниоткуда в никуда и тем самым приводящая этот мир в движение. Она всегда шла вперед, от самой себя к самой себе, даруя энергию бесконечному перебору казалось бы абсолютно бессмысленных случайностей. Она не обещала никаких милостей или кар ни в этой жизни ни в какой другой. Ей не было никакого дела до тех кто считал себя живыми и разумными. И руки её и ноги – реки, дыхание – ветер, а глаза – тысячи тысяч звезд.

И вот всей этой околесицей, да еще и приправленной порцией диких хайджерских баек, Василий Иванович щедро поделился с Мишей. Не с каким-то там умыслом, а просто от широты своей души, считая что малограмотному дикарю будет полезно приобщиться, пусть и к не совсем серьезному, но всё-таки пантеону великой, да что уж там, величайшей космической цивилизации. Однако Стэн МакГрегор не оценил миссионерской работы своего подчиненного. И как-то, услышав от Миши божбу длинноногой Гипой и полногрудой Исидой и понимая откуда дует ветер, вызвал дядю Васю на разговор и потребовал незамедлительно прекратить его просветительскую деятельность. «Василий Иванович, да как ты не понима-

ешь?!», в очередной раз горячился Стэн, «Ты ведь на ровном месте создаешь новую мифологию у аборигенов. Они нас-то не пойми за кого считают, а ты им еще мозги засираешь теми, кто для нас якобы божества. Ну ты обалдел что ли? Прилетит очередная компашка яйцеголовых и что они услышат? Как люксоры божатся грудями белокожей Исиды и призывают в свидетели тысячеглазую Гипу?». Но Стэн опоздал. По крайней мере в случае с Мишей. Маленький инопланетянин уже твердо верил и в благословенную черноволосую Владычицу песков, и в безжалостную Вечную Страницу с длинными ногами и шевелюрой из пылающих туманностей. И судя по всему ему нравилась эта вера, она в какой-то степени завораживала его. Он цепенел, пытаясь вообразить этих великих богинь. Действительно, и сами земляне, эти пришельцы со звёзд, представлялись его народу чем-то невероятным и пугающим и тем не менее оказывается есть еще более запредельные и могущественные сущности, для которых и сами земляне всего лишь обычные смертные. Грандиозность Исиды и Гипы потрясала его. Впрочем, та легкость и даже некоторая фривольность, с которой дядя Вася повествовал об этих женских божествах передалась и маленькому инопланетянину и благодаря этому его благоговение перед ними оставалось всё же в рамках разумного. Но иногда... У люксоров была способность формировать на своих чехлах любые рельефно-выпуклые узоры и вот время от времени Миша с удовольствием ходил весь в скарабеях и анках.

Джон каждый раз при личной встрече с инопланетным существом всё ещё испытывал некоторое волнение. Мысль о том что он может вот так вот запросто начать диалог с совершенно чуждым для него созданием, порожденным абсолютно чужим миром, под другими звездами и являющегося продуктом иной реальности приводила его в некий научный трепет. Не это ли, вопрошал он себя, и есть главное доказательство величия разума? Его могущества и торжества над стихиями Вселенной? Раз уж два таких разных создания, изначально разделенных тьмой пространства и времени сумели вступить в контакт именно потому что оба обладают разумом. Однако это волнение порой мешало ему начать этот самый диалог.

– Ты выглядишь хорошим, – сказал Миша.

– Хорошо выглядишь, – поправил его Джон и улыбнулся. Затем сообщил: – Температура сейчас минус пять на шесть и один, а ветер четыре.

Люксоры обожали знать какая на улице температура и скорость ветра. Раньше у них и понятий таких не было. Хотя они очень тонко чувствовали степень холода и силу ветра и присваивали им различные эпитеты, создав довольно громоздкую и неудобную систему. Идея же землян обозначать холод и ветер цифрами поразила и покорила их. У люксоров уже имелись некоторые зачатки математики, правда основанием для них служило число шесть. Что было, конечно, довольно логично, учитывая их шестипалые конечности. Таким образом аналогом сотни в их исчислении являлось шесть на шесть и для него было специальное слово, а затем начиналось всё сначала. И теперь они с радостью узнавали какой точно холод и ветер снаружи и спешно делились этой животрепещущей информацией с другими. Это стало чуть ли не главной темой для начала любого разговора. Правда земляне не спешили снабдить им термометрами и анемометрами, так как всё-таки это были определенного рода технологии и для их передачи требовались специальные разрешения. Впрочем, Василий Иванович успел проиграть несколько градусников и они теперь в торжественном обрамлении висели в самых священных для люксоров местах.

– То есть минус тридцать один, – улыбнулся Миша.

– Точно, – подтвердил Джон, в очередной раз поражаясь насколько сообразителен этот маленький инопланетянин.

Миша довольно легко разобрался в десятиричной системе счисления, преподанной ему Василий Ивановичем, дабы они могли нормально играть в карты. Разобрался и понял настолько, что теперь без труда переводил цифры из одной системы в другую и прекрасно знал что есть сотни и тысячи. По мнению Джона это можно было считать достижением, с учетом

того в насколько зародышевом состоянии пребывала математика до появления землян. Правда за то что дядя Вася походя, между делом, мягко говоря воздействовал на процессы естественного исторического развития никтопианцев он получил очередное усталое замечание от Стэна. Впрочем, это было скорей для проформы и оба отнеслись к этому довольно равнодушно. Все прекрасно понимали что после того как земляне спустились на Никтопию о всякой естественности исторического развития у инопланетян можно было благополучно забыть.

Джон уселся на стул рядом с небольшим овальным столом, за которым некогда разворачивались азартные карточные игры. У самих люксоров мебель как таковая практически отсутствовала и потому стул и стол появились на маяке как щедрый дар великой космической цивилизации, представителям которой не хотелось ютиться на полу в специальных углублениях, как это делали маленькие инопланетяне.

Молодому человеку очень нравилось вот так вот сидеть в этой сводчатой круглой комнате, где было тепло, тихо и ощущался слабый, словно бы земляничный, запах, который исходил от люксора. Иногда в печи что-то тихонько потрескивало и слышалось легкое шипение. И Джону было так безмятежно и спокойно здесь, что порой ему мнилось что он физически ощущает эту самую илваму.

В отличии от Василия Ивановича Джон мало рассказывал о землянах и больше интересовался миром Никтопии. И Миша обычно вполне охотно удовлетворял его любопытство насколько они могли понять друг друга. Однако некоторые темы по каким-то причинам Миша обсуждать не любил. Но видимо он не знал как вежливо уйти от нежелательного разговора и просто замолкал. При этом все его три кожаных оболочки, окутывавшие его тело со всех сторон, частично накладываясь друг на друга, раздувались и Миша, по выражению дяди Васи, становился похожим на капусту. Стэн и Джон, кстати, до прибытия на Никтопию, очень слабо себе представляли что такое «капуста», смутно припоминая что это вроде какое-то растение на Первой Земле. Однако здесь они очень близко познакомились с ним, поскольку дядя Вася обожал её в тушенном виде, назаказывал в отделе обеспечения «Синана» целые мешки этого овоща и щедро им потчевал себя и своих товарищей. Товарищи, особенно Стэн, утверждавший что сие блюдо воняет, пардон, ссаньем, большой радости не выказывали. Но поскольку так уж сложилось, что готовкой занимались либо автоматика, либо дядя Вася, а МакГрегор и Тимирязев на дух не переносили все эти кухонные работы, им ничего не оставалось как смириться.

На данный момент Джон знал, что нежелательными темами были: отношения люксоров с никтопами, происхождение обеих рас, переход от Лета к Зиме, неприязнь желтого цвета и погребение умерших инопланетян в каких-то ледяных пещерах. Вообще к смерти люксоры относились довольно легкомысленно и страха перед ней не испытывали, но вот про погребение говорить не желали.

– Прочитал рассказ, который я тебе дал? – Спросил Джон.

– Прочитал, – слегка хлюпнув, ответил Миша. – Весь рассказ о том как тот, которая женщина страдает от того что тот, кто мужчина не считает женщину..., – люксор задумался, – достаточно хорошей для себя. Женщина страдает. Затем женщина узнает, что мужчина посчитал хорошей для себя другую женщину. Первая женщина страдает еще сильнее и хочет прекратить жить. Но в последний момент находит... девочку, то есть женщину-детеныша, которую бросили и перестает хотеть прекратить жить, потому что, насколько я понял, она теперь хочет растить эту девочку. Правильно?

– Ну в целом правильно, – подтвердил молодой человек. – Но мне кажется ты что-то не понял и у тебя наверно есть пара вопросов.

Миша весело засмеялся, сразу две из трех его кожаных оболочек заколыхались.

– Я почти ничего не понял, – жизнерадостно сообщил он. – И вопросов много. Насколько я понимаю, женщина весь рассказ испытывала надежду, правильно?

– Да.

– Но надежда это ведь ожидание? Получается она просто ожидала?

– Ну это не просто ожидание. Скорее это желание. Когда ты хочешь чего-нибудь хорошего. Ты не уверен что это случится, но ты все-таки ждешь этого. Вот например ты играешь в «очко» и у тебя на руках валет и четверка. Тогда ты желаешь чтобы следующая карта которую ты возьмешь оказалась бы шестеркой или семеркой, ну или по крайней мере не больше семерки. Ты не можешь знать наверняка что так и будет, но возможно что будет. И поэтому ты ждешь этого, то есть надеешься.

Миша задумался над предоставленным примером.

– Но в картах это длится совсем не долго. А в рассказе прошли годы, то есть, как я понимаю, очень-очень много времён, может быть почти шестая часть нашей Зимы. И эта женщина все эти годы только и делала что испытывала надежду? Это настолько приятно для землян? Или смысл рассказа в том что почему-то надо всегда испытывать надежду?

– Э-э... – слегка растерялся Джон. – Вообще-то рассказ не о надежде, а о том как сильно женщина любила этого мужчину. То есть переживала илваму. Собственно поэтому я и хотел чтобы ты прочел его, как пример илвамы у землян.

– Илвама?! – Мискообразная голова Миши сильнее вылезла из туловища. – Эта женщина давала мужчине илваму?!

– Ну да, – подтвердил Джон, уже не уверенный что это так.

На одной из кожаных оболочек люксора быстро промелькнули какие-то выпуклые узоры. Джон решил что инопланетянин недоверчиво хмурится.

– Разве это илвама? – Осторожно возразил Миша. – Ведь женщина просто хотела чтобы мужчина выбрал её. Причем тут илвама?

– Она хотела чтобы он был с ней, потому что она любила его, – объяснил Джон.

Миша забулькал и землянин не понял что это значит.

– Илвама никак не связана с желанием, – сказал маленький инопланетянин.

– Неужели? – Ехидно поинтересовался Джон. – Разве вы любите ладошей не потому что хотите чтобы они давали вам свет?

Длинные узкие глаза инопланетянина расширились. Видимо это было изумление.

– Мы даём им илваму потому что нам это нравится и потому что им от этого хорошо, она делает их счастливыми, потому что только с ней они могут быть теми кто они есть, – сказал он. – А то что они при этом светятся это всего лишь удачное совпадение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.